

*СНЫ,
КОТОРЫЕ
ПРИХОДЯТ
РАНЬШЕ*

18+

Александр Гудеев

Сны, которые приходят раньше

«Автор»

2026

Гудеев А. П.

Сны, которые приходят раньше / А. П. Гудеев — «Автор», 2026

Эта книга — не о том, как остановить монстра. Она о том, как не стать им, даже если он носит твоё лицо. Каждый из нас носит в себе тьму. Вопрос лишь в том, какую часть себя мы позволяем ей занять.

© Гудеев А. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сон	6
Глава 2. Первый разговор	11
Глава 3. Второе касание	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сны, которые приходят раньше

Эта книга — не о том, как остановить монстра. Она о том, как не стать им, даже если он носит твоё лицо.

Каждый из нас носит в себе тьму. Вопрос лишь в том, какую часть себя мы позволяем ей занять.

Глава 1. Сон

Часть 1. Пробуждение в чужой боли

Ольга Хорова всегда считала, что контролирует свою жизнь. Двадцать семь лет, работа в университетском архиве, скромная квартира на Васильевском острове, привычка пить чёрный чай без сахара по утрам и засыпать под шум дождя за окном. Всё это создавало иллюзию порядка — иллюзию, которую она бережно выстраивала вокруг себя после смерти приёмных родителей.

Её комната была маленькой, но уютной. Старый письменный стол у окна, заваленный книгами по истории Петербурга, узкая кровать с серым льняным бельём, платяной шкаф, в котором аккуратно висели блузки и юбки пастельных тонов. На тумбочке стоял будильник с зелёными цифрами — подарок Светы на прошлый день рождения. Ольга любила этот будильник за его тихое тиканье, которое создавало ощущение, что время идёт правильно, размеренно, предсказуемо.

Но сегодня всё пошло не так.

Она не погрузилась в сон — она провалилась в него, как в ледяную воду, которая оказалась гуще и темнее, чем обычно.

Одна секунда — ещё собственная комната, тиканье будильника на тумбочке, свет фонаря за шторой, пробивающийся сквозь щель в гардинах. Следующая — она уже бежала.

Не по знакомым улицам, где знала каждый фонарь и каждую вывеску. А по незнакомому проезду, тесному, зажатому между кирпичными стенами, которые были покрыты вековой копотью и мхом. Воздух был сырым, пахло рекой и мокрым камнем — этот запах она знала, но не могла вспомнить, откуда. В груди колело, но это была не её боль. Чужая, острая, как заноза, которую невозможно вытащить.

Она не знала, за кем бежит. Вернее, она была одновременно и бегущей, и той, что догоняет. Два сознания в одном теле, два пульса, два дыхания, сбивающихся в один бешеный ритм. Это раздвоение пугало её больше, чем сам страх преследования. Она чувствовала, как её собственные лёгкие горят от бега, но одновременно ощущала, как другая часть её — та, что шла следом, — дышит ровно и спокойно.

Она увидела спину. Женщина в коротком пальто тёмно-синего цвета, тёмные волосы, разметавшиеся по плечам, тонкие ноги в чёрных колготках, которые мелькали в свете редких фонарей. Женщина бежала, спотыкалась о булыжники, оборачивалась, и в её глазах был такой животный ужас, что Ольга — та, которая смотрела изнутри сна — захотела закричать вместе с ней.

«Пожалуйста, — кричали глаза женщины. — Пожалуйста, не надо».

Но голос не вышел. Вместо него пришла другая мысль, холодная и чужая: *«Сейчас. Ещё немного»*.

И она — та, другая часть сна — ускорила шаг. Не бег, а быстрая, уверенная походка хищника, который знает, что жертва никуда не денется. Она видела свои руки — они были в тонких чёрных перчатках, сжимающие какой-то предмет. Металлический. Холодный. Тяжёлый. Она не могла разглядеть его форму, но чувствовала его вес и значимость.

Женщина споткнулась о выступающий булыжник, упала на колени, и в следующее мгновение тень накрыла её. Темнота стала густой, вязкой, а потом — тишина.

Тишина, которая была громче любого крика.

Ольга проснулась с криком, который застрял в горле. Она сидела на кровати, прижимая ладони к груди, и чувствовала, как сердце бьётся где-то в горле, пытаясь вырваться наружу. В комнате было тепло, за окном ещё держалась ночная темнота. В щели между шторами про-

бывался слабый предрассветный свет, но до настоящего рассвета оставалось далеко. Ольга не замечала даже этого слабого света.

Она перевела дух, провела рукой по лицу — и только тогда заметила, что щёки мокрые. Она плакала во сне. Но это были не её слёзы. Они были чужими, как и та боль, что всё ещё давила в груди.

Ольга была невысокой, с тёмными волосами до плеч, которые она обычно собирала в небрежный пучок на работе. У неё были серые глаза, которые сейчас смотрели на мир с испугом и непониманием, и бледная кожа, на которой особенно ярко выделялись синяки под глазами — следствие бессонницы, которая мучила её последние недели. Она была стройной, почти хрупкой, но в этой хрупкости чувствовалась внутренняя сила, которую она сама в себе не замечала.

«Просто сон, — прошептала она, стараясь унять дрожь. — Просто глупый, случайный кошмар».

Но в груди всё ещё давило. Чужая боль не уходила. Она осела где-то под рёбрами, как заноза, которую не видно, но она напоминает о себе при каждом вздохе. Ольга приложила ладонь к тому месту, где чувствовала эту боль, и зажмурилась, пытаясь прогнать остатки сна.

Она не могла понять, почему этот сон был таким реальным. Почему она чувствовала запахи, слышала звуки, ощущала чужой страх и чужую решимость. Обычные сны были расплывчатыми, нечёткими, похожими на старые фотографии, которые выплели на солнце. Этот же сон был как киноплёнка, чёткая, ясная, до последней трещины на стене, до последней капли пота на лице преследуемой женщины.

Она встала с кровати, прошла на кухню и заварила чай. Вода в чайнике закипела, и пар поднялся к потолку, создавая на мгновение иллюзию тепла. Ольга любила этот момент — когда чайник шумит, а в воздухе разливается запах мяты и лимона. Это был её утренний ритуал, который давал ей ощущение контроля над жизнью.

Но сегодня ритуал не помогал. Руки дрожали, когда она держала кружку, и чай расплёскивался на стол. Она вытерла лужицу тряпкой и села, обхватив ладонями горячий фарфор, пытаясь согреться.

В зеркале на стене она увидела своё отражение: бледное лицо, тёмные круги под глазами, растрёпанные волосы. Она выглядела как человек, который не спал несколько дней, хотя физически спала. Просто тот сон не был отдыхом. Он был работой. Работой её подсознания.

Она заставила себя сделать глоток чая, и тепло разлилось по телу, немного успокаивая дрожь. Но боль в груди не уходила. Она сидела там, как напоминание о том, что произошло в её сне, и о том, что этот сон был слишком реальным, чтобы быть просто игрой воображения.

Ольга попыталась вспомнить, видела ли она когда-нибудь это место. Малый Сампсониевский проезд — название всплыло в памяти, хотя она никогда там не была. Она могла бы проверить на карте, но почему-то боялась это делать. Боялась, что совпадения окажутся слишком точными.

Она отставила кружку в сторону и закрыла глаза. Перед её внутренним взором снова возникли те стены, тот фонарь, та женщина в коротком пальто. Она помнила каждую деталь: как свет от фонаря падал на мокрые булыжники, как тени танцевали на стенах, как хриплое дыхание женщины смешивалось с её собственным.

«Это просто совпадение, — сказала она себе, но голос прозвучал неуверенно. — Просто мой мозг сгенерировал случайный образ, который статистически совпал с реальностью».

Она не верила в это. Но она заставила себя поверить, потому что иначе ей пришлось бы признать, что происходит что-то, чего она не может объяснить.

Ольга подошла к окну и посмотрела на просыпающийся город. За окном начинался обычный день: люди спешили на работу, машины шумели на мокром асфальте, где-то вдалеке кричали чайки. Мир был прежним, но внутри неё что-то необратимо изменилось. Тот сон был не

просто случайностью. Он был посланием, которое она не могла расшифровать, но чувствовала каждой клеткой своего тела.

Почему я?— спросила она себя в сотый раз. Ответа не было.

Она снова посмотрела на своё отражение в зеркале и сказала ему то, что должна была сказать себе:

«Ты справишься. Это просто сон. Всё будет хорошо».

Но слова прозвучали фальшиво, как обещание, которое она не могла сдержать.

Часть 2. Рутинка как спасение

Работа в университетском архиве всегда была для Ольги убежищем. Пыльные папки, систематизированные полки, запах старой бумаги и чернил — здесь всё имело смысл и порядок.

Архив располагался в старом здании на Университетской набережной, с высокими потолками, лепниной на стенах и огромными окнами, через которые лился тусклый петербургский свет. В этих стенах пахло историей — не той, что в учебниках, а той, что живёт в письмах, дневниках, отчётах, которые десятилетиями ждали, когда их прочтут. Ольга любила этот запах. Он был для неё как одеяло, которое укрывало от всего внешнего мира.

Она пришла на час раньше обычного, чтобы погрузиться в работу с головой. У неё была привычка приходить рано — когда в архиве никого нет, можно работать в полной тишине, не отвлекаясь на разговоры и шум. Она сняла пальто, повесила его на вешалку у входа, и прошла в свой кабинет.

Кабинет был небольшим, но функциональным. Стол из тёмного дерева, на котором ровными стопками лежали папки с делами, компьютер с большим монитором, несколько полок с книгами и справочниками. На стене висела карта Петербурга начала XX века — подарок от предыдущего заведующего архивом, который знал о её любви к старому городу. Ольга часто смотрела на эту карту, представляя, как выглядели эти улицы, когда по ним ещё ходили извозчики, а фонари зажигали вручную.

Сегодня нужно было разобрать партию писем начала XX века — аккуратные завитки чернил, сухие отчёты о метеонаблюдениях, жалобы на неисправность городского водопровода, просьбы о ремонте мостовых. Прошлое, которое не имело к ней никакого отношения. Ольга открыла первую папку и погрузилась в чтение, пытаясь забыть о том, что случилось ночью.

Она перебирала пожелтевшие листы, водила пальцем по строкам, написанным каллиграфическим почерком, и чувствовала, как успокаивается. Бумага, чернила, аккуратные записи — всё это было понятным, предсказуемым, безопасным. Здесь не было места для страха.

Коллега Света появилась около десяти, как всегда — с двумя бумажными стаканчиками: латте с корицей для себя, чёрный чай без сахара для Ольги. Света была высокой, полноватой, с вечно растрёпанными рыжими волосами и веснушками на лице. Она работала в архиве уже пять лет и знала всё о каждом деле, которое когда-либо проходило через их руки. Она была болтливой, эмоциональной и умела разрядить любую напряжённую ситуацию одной шуткой.

«Ты выглядишь так, будто всю ночь воевала с привидениями, — заметила она, присаживаясь на край стола. — Спала-то хоть немного?»

«Не очень, — честно призналась Ольга, принимая стакан с чаем. — Приснился странный кошмар. Такой реальный, что до сих пор мурашки по коже. Обычно я сплю как убитая, а тут...»

Ольга умолкла, не зная, как объяснить то, что чувствовала. Она не могла рассказать Свете о сне, который ещё давил в груди. Это звучало бы как бред.

Света хмыкнула, отпивая из своего стакана:

«Может, ты переутомилась. Или читаешь на ночь что-то слишком жуткое. Ты же у нас любишь всё мрачное».

«Я читаю письма 1912 года. Там самое страшное — это жалобы на протекающую крышу».

«Ну, крыши тоже бывают жуткими. Особенно когда с них капает на голову», — Света рассмеялась, и её смех был таким заразительным, что Ольга невольно улыбнулась.

Они посмеялись, и разговор перешёл на планы на выходные. Света рассказывала о своём новом увлечении — она записалась на курсы керамики и теперь лепила горшки, которые, по её словам, были «шедеврами современного искусства, если смотреть на них под определённым углом». Ольга слушала, улыбалась и делала вид, что её не беспокоит тот сон.

Света оживилась, рассказывая о занятиях. Для неё керамика была не просто развлечением: она собиралась сделать небольшую серию чашек и выставить их на университетской ярмарке. «Если получится хотя бы половина того, что я задумала, я продам их всем нашим архивным занудам», — сказала она. Потом, чуть серьёзнее, добавила, что давно мечтает однажды открыть маленькую мастерскую. Ольга улыбнулась: ей нравилось, что у Светы были планы, не связанные с архивом и чужими историями.

Но внутри она знала: это было что-то другое. Она чувствовала не просто страх — она чувствовала *его*. Того, кто шёл за женщиной. Его уверенность, его спокойствие, его ледяное удовлетворение в последний момент. Она чувствовала его так отчётливо, что могла бы описать каждую деталь его присутствия.

«Ольга, ты меня слушаешь?» — спросила Света, заметив, что подруга смотрит в одну точку.

«А? Да, прости. Задумалась».

«О чём?»

«Ни о чём. Просто...».

Света посмотрела на неё с тревогой, но не стала настаивать. Света понимала, что Ольге сейчас трудно подбирать слова, и не стала расспрашивать дальше. Она похлопала Ольгу по плечу и сказала:

«Ты отдыхай больше. И не читай перед сном ужасиков».

Ольга улыбнулась ей вслед, но улыбка вышла натянутой. Она снова посмотрела на письма, но слова расплывались перед глазами. Мысли были заняты другим: тем проездом, той женщиной, тем чувством чужой боли, которое никак не уходило.

Она попыталась сосредоточиться на работе, перебирая страницы, но руки действовали механически. Перед глазами стоял образ женщины в коротком пальто — её глаза, полные ужаса, её сбитое дыхание, её спотыкающиеся шаги. Ольга чувствовала, как это воспоминание — или видение? — врзалось в её сознание, оставляя глубокие борозды.

К обеду она поняла, что больше не может сидеть на месте. Она встала, оделась и сказала Свете, что ей нужно уйти пораньше — голова болит. Света кивнула и пожелала ей скорейшего выздоровления.

Ольга вышла на улицу и глубоко вдохнула холодный воздух. Она не знала, куда идёт, но ноги сами несли её вперёд. Она шла по набережной, смотрела на серую воду Невы, на чаек, кружащих над рекой, и чувствовала, как внутри неё разрастается тревога.

Что со мной происходит? — думала она. — *Я схожу с ума?*

Она остановилась у парапета и посмотрела на противоположный берег. Петербург был прекрасен в своей серой меланхолии, но сегодня он казался ей чужим и враждебным. Каждый звук, каждая тень вызвали у неё страх.

Она достала телефон и открыла карту города. Малый Сампсониевский проезд. Она ввела название и увидела панораму. Да. Всё точь-в-точь, как во сне.

«Это невозможно», — прошептала она, глядя на экран.

Но реальность упрямо противоречила.

Она провела остаток дня дома, сидя за столом и сравнивая детали. Сон: запах реки и сырого камня. Факт: проезд выходит к Пряжке, и в тот вечер шёл дождь. Сон: женщина в

коротком пальто. Факт: она не знала, была ли такая женщина на самом деле, но в новостях... Она не хотела проверять новости. Но что-то заставляло её это сделать.

Она включила телевизор и переключила на местный канал. Через несколько секунд экран заполонили кадры: жёлтая полицейская лента, ограждение, мигалки.

«...сегодня ночью, около половины третьего, в Малом Сампсониевском проезде было обнаружено тело молодой женщины. По предварительным данным, нападение произошло в период с двух до трёх часов ночи. Личность потерпевшей устанавливается. Полиция просит откликнуться свидетелей...»

У Ольги перехватило дыхание. На экране мелькнула знакомая картинка: те самые стены, тот самый булыжник, тот самый фонарь. Она не могла знать этого места — она никогда там не была. Но каждый камень, каждая трещина на стене совпадали с её сном.

Она схватила телефон, открыла новостной сайт. Репортаж подтверждал: жертва была одета в тёмно-синее пальто. Время убийства — между двумя и тремя часами ночи. Следы коленных ссадин на теле жертвы, что указывало на то, что она упала на колени перед смертью.

Каждая деталь совпадала. Каждая.

Она сидела, не в силах пошевелиться, и смотрела на экран, пока репортаж не закончился. Её руки дрожали, а в груди всё так же давила та самая чужая боль. Она провела рукой по лицу и только тогда заметила, что щёки снова мокрые. Она плакала. Но это были не её слёзы.

Она встала, прошла на кухню, заварила чай и села за стол. Нужно было успокоиться, собраться с мыслями, принять решение.

Она не могла сидеть сложа руки, делая вид, что ничего не случилось. Если этот сон был реальным воспоминанием — чьим? И как оно попало в её голову?

Она смотрела в окно на тёмное небо, где уже начали зажигаться первые звёзды, и чувствовала, как внутри неё созревает решение. Она не была сумасшедшей. Она была свидетельницей. И она должна была рассказать кому-то, кто мог бы помочь.

Но кому? Кто поверит в такое?

Она вспомнила о майоре Кольцове — том самом, к которому её однажды направляли как эксперта-архивариуса для консультации по старому делу. Он показался ей тогда сухим, усталым, но внимательным человеком. Может быть, он выслушает.

Перед выходом она несколько секунд стояла у двери, держась за холодную ручку. Ей хотелось вернуться к привычной жизни, закрыть дверь, выключить телефон и убедить себя, что ничего не произошло. Но она уже понимала: после того, как сон совпал с реальностью, молчание тоже стало выбором. А она не хотела потом спрашивать себя, могла ли предотвратить чью-то беду.

Она не знала, будет ли он ей верить. Но она знала, что должна попытаться.

«Пока это только совпадения», — сказала она вслух.

В тот вечер Ольга ещё раз открыла карту Петербурга. Она увеличила изображение проезда, сверила направление стен и даже записала примерное положение фонаря относительно входа. Чем дольше она смотрела, тем меньше могла объяснить совпадение случайностью.

Но вместе с тревогой пришло другое чувство — профессиональное. В архиве она привыкла доверять не впечатлению, а следу: дате, подписи, номеру дела, почерку на полях. Поэтому она составила две колонки. В первой оставила то, что видела во сне. Во второй — то, что узнала из новостей. Между ними она не поставила ни одного знака равенства.

И именно это «пока» не давало ей закрыть блокнот.

Она сунула блокнот в сумку и вышла из квартиры. До управления МВД Ольга так и не дошла: вместо этого она отправилась к Малому Сампсониевскому проезду, сверяя дорогу с картой. У полицейского оцепления остановилась поодаль и не решилась подойти ближе. Увиденное не дало ей ответов, но окончательно лишило возможности списать сон на случайность. Домой она вернулась поздно вечером.

Глава 2. Первый разговор

Часть 1. Утро после бессонной ночи

Решение обратиться к Кольцову Ольга приняла ещё до выхода из квартиры, но в тот вечер так и не дошла до участка. Вернувшись домой поздно вечером, она не смогла уснуть. Она сидела за кухонным столом, обхватив ладонями остывшую кружку чая, и смотрела в тёмное окно. Город за стеклом казался чужим — таким же чужим, как тот проезд, который она никогда не видела, но помнила до последней трещины на стене. Всю ночь она провела почти без сна, а с первыми часами утра поняла, что больше ждать не может. Она оделась и поехала к Кольцову.

Мысли метались, как загнанные звери. Рациональная часть её сознания, привыкшая к порядку и доказательствам, отчаянно искала объяснение. *Совпадение. Стресс. Переутомление. Мозг сгенерировал случайный образ, который статистически совпал с реальностью.* Но каждая новая деталь, всплывающая из памяти, с упрямой жестокостью опровергала эту теорию.

Она достала блокнот — старый, в кожаном переплёте, который купила на развале книг, — и начала записывать. Слева — сон. Справа — факты из новостей. Сравнивала, как патологоанатом, пытаясь найти хоть одно расхождение. Но строки смыкались, как зубцы одной шестерёнки.

Запах реки и мокрого камня — проезд выходит к Пряжке, ночью шёл дождь. Женищина в коротком пальто — жертва была в тёмно-синем пальто. Она упала на колени — следы ссадин на коленях. Время — глубокая ночь, около двух-трёх часов.

Ольга отодвинула блокнот и закрыла глаза. В груди всё ещё давило. Чужая боль не уходила — она затаилась где-то в глубине, как подкожный камень, который не видно, но он есть. Она встала, подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Это помогало немного успокоиться, сосредоточиться на физическом ощущении холода, а не на том хаосе, который творился в её голове.

В комнате было темно. Только слабый свет уличного фонаря просачивался сквозь щель в гардинах, рисуя на полу бледную полосу. Ольга смотрела на этот свет, и ей казалось, что он — единственное, что осталось реальным в этом мире. Всё остальное — сон, видение, иллюзия.

Утром, после почти бессонной ночи, она вышла из дома и направилась в Главное управление МВД. На ней было тёмно-серое пальто, которое она носила уже три года, и шарф, связанный её приёмной матерью. Она любила этот шарф за его мягкость и тепло, которые создавали иллюзию, что мать всё ещё где-то рядом.

Она не знала, что скажет ему. Она не знала, поверит ли он. Но она знала, что не может больше молчать.

Часть 2. Приёмная

В приёмной пахло казённым мылом и бумагой. Этот запах Ольга хорошо знала — он был похож на запах архива, но более резкий, более официальный. Стены были выкрашены в бледно-зелёный цвет, вдоль которых стояли жёсткие стулья, на которых сидели посетители с усталыми лицами.

Ольга сидела на одном из стульев, сжимая в руках папку с блокнотом, и ждала, когда Кольцов её примет. Секретарша, молодая женщина с усталым лицом и вечно озабоченным выражением, несколько раз косилась на неё, но не задавала вопросов.

Ольга рассматривала помещение. На стенах висели стенды с информацией о работе полиции, фотографии сотрудников, грамоты и благодарности. Всё это было таким обычным, таким привычным, что казалось нереальным находиться здесь после того, что произошло.

Через полчаса дверь кабинета открылась, и майор вышел. Он был невысоким, плотным, с сединой на висках и тёмными кругами под глазами. Увидев Ольгу, он нахмурился, словно пытаясь вспомнить, откуда знает это лицо.

«Ольга Хорова? — спросил он, чуть прищурившись. — Максим Кольцов. Вы же из архива, да? Консультировали нас по делу о подделке документов?»

«Да, — кивнула она, поднимаясь. — У меня... необычное дело. Можно поговорить?»

«Заходите».

В кабинете было тесно. Столы, стулья, шкафы с папками — всё говорило о том, что здесь работают, а не принимают гостей. На стене висела карта города с отмеченными точками — местами преступлений за последний месяц. Ольга заметила, что одна из точек была в Малом Сампсониевском проезде, и внутри неё всё сжалось.

Кольцов сел за стол, жестом указал Ольге на стул напротив. Она села, положила папку на колени и глубоко вздохнула, собираясь с мыслями.

«Слушаю», — сказал он, и в голосе его слышалась усталость, но она была направлена не на неё — на тот поток дел, который он разбирал до неё.

Ольга глубоко вздохнула и начала рассказывать. Сначала — о сне. О том, что она видела, как бежит женщина, как она же сама её догоняет, как чувствует чужой страх, как проваливается в темноту после того, как жертва падает. Она говорила быстро, сбивчиво, стараясь не упустить ни одной детали. Она описывала запахи, звуки, ощущения — всё, что могла вспомнить.

Кольцов слушал молча, не перебивая, только хмурился всё сильнее. Его пальцы барабанили по столу, а глаза смотрели на неё с вниманием, которое она сначала приняла за скептицизм, но потом поняла: он слушает всерьёз.

Когда она закончила, он откинулся на спинку стула и долго смотрел на неё.

«И вы утверждаете, что видели это во сне той же ночью, когда произошло убийство?»

«Да. Я проснулась около пяти утра. О случившемся я узнала только вечером, из новостей. Там сказали, что тело нашли... — она запнулась, вспоминая. — Около половины третьего ночи. То есть убийство произошло до того, как я проснулась».

«Но вы могли прочитать об этом в новостях и только потом...»

«Я не читала новостей, — перебила она. — Я вообще не знала об этом проезде. Я никогда там не была. — она протянула ему блокнот. — Я записала детали сразу после пробуждения. Вот, посмотрите».

Кольцов взял блокнот, пролистал. Его лицо оставалось непроницаемым, но пальцы чуть замедлились на одной из страниц. Он поднял глаза.

«Вы говорите, что чувствовали *его*? Убийцу?»

«Да. Не просто страх жертвы. Я чувствовала его — его спокойствие, его уверенность. Как будто я была одновременно и жертвой, и убийцей. Это... это невозможно объяснить».

«Невозможно объяснить — это не аргумент, — резко сказал Кольцов, закрывая блокнот. — Вы понимаете, как это звучит? Женщина приходит в полицию и говорит, что видела убийство во сне. У нас нет таких статей в Уголовном кодексе».

Ольга почувствовала, как щёки заливают краска. Она знала, что так и будет. Знала, но всё равно пришла.

«Я понимаю, — тихо сказала она. — Но я не могла молчать. Если это повторится... если я снова что-то увижу...»

Кольцов вздохнул, потёр переносицу. Он явно колебался. С одной стороны — бред, с другой — детали, которые совпадали слишком точно. Он открыл папку на столе, вытащил фотографию места преступления и положил перед Ольгой.

«Взгляните. Узнаёте?»

Ольга посмотрела. Да. Та самая стена, тот самый фонарь, тот самый булыжник. Она кивнула, не в силах произнести ни слова.

«Хорошо, — сказал Кольцов, пряча фотографию обратно. — Я не обещаю, что возьму это в разработку. Но я проверю ваши данные. И если у вас будет ещё один такой сон... звоните немедленно».

Он протянул ей визитку с номером мобильного. Визитка была простой, без лишних деталей — только имя, номер телефона и название управления.

Ольга взяла её дрожащими пальцами.

«Спасибо».

«Не благодарите, — ответил он, и в его голосе послышалась усталость. — Я не верю в вещие сны. Но я верю в совпадения, которые не могут быть случайными. И пока я не найду им объяснение, вы будете под моим неофициальным наблюдением».

Она встала, но на пороге обернулась:

«Майор... а что, если это повторится? Что, если я увижу, как он убьёт снова?»

Кольцов посмотрел на неё долгим взглядом. В его глазах было что-то, что она не могла понять — может быть, тревога, может быть, интерес.

«Тогда вы позвоните мне. И мы попытаемся успеть раньше».

Когда за Ольгой закрылась дверь, Кольцов ещё некоторое время сидел молча, обдумывая её рассказ. Затем он открыл папку с материалами дела и фотографиями места преступления. Совпадения требовали проверки. Он поручил сотруднику поднять дополнительные сведения по деталям, которые назвала Ольга, и проверить всё, что могло дать делу новое направление. Теперь ему предстояло понять, случайность ли это или за совпадениями скрывается что-то ещё.

Часть 3. Обратная дорога

Ольга вышла из участка на улицу и глубоко вдохнула холодный воздух. В груди всё ещё давило, но теперь к этому чувству примешивалось что-то другое. Страх? Нет. Скорее, странная уверенность — она сделала первый шаг.

Она шла по набережной Фонтанки, смотрела на серую воду, медленно тянущуюся куда-то к заливу, и пыталась собрать мысли в порядок. Кольцов не выгнал её. Не засмеялся. Он принял её слова всерьёз, даже если и не поверил до конца. Это уже было больше, чем она ожидала.

Она остановилась у парапета и посмотрела на противоположный берег. Обычный городской вечер — огни в окнах, редкие прохожие, далёкий шум машин. Мир казался прежним, но внутри неё что-то необратимо изменилось. Тот сон был не просто случайностью. Он был посланием, которое она не могла расшифровать, но чувствовала каждой клеткой.

Почему я? — спросила она себя в сотый раз. Ответа не было.

Она представила, как будет жить дальше: завтра снова на работу, снова письма, снова привычная рутина. Но теперь она будет ждать. Ждать, что сон повторится. Ждать звонка от Кольцова. Ждать, пока тьма, коснувшаяся её сознания, заговорит снова.

Она заставила себя оттолкнуться от перил и пойти дальше. Домой. К тишине и остывшему чаю. Но в глубине души она знала: этой ночью она не уснёт спокойно. И следующий сон, если он придёт, будет страшнее.

Она не знала, кто был тем убийцей из её сна. Но она чувствовала его присутствие — холодное, уверенное, почти родное. И это чувство пугало её больше всего.

Дойдя до своего дома, она остановилась у подъезда, посмотрела на тёмные окна своей квартиры и тихо сказала в пустоту:

«Если ты существуешь... если это правда... я найду тебя».

Слова растворились в вечернем воздухе. Но они остались с ней — как обещание, данное самой себе.

Она поднялась на третий этаж, открыла дверь квартиры и вошла внутрь. В квартире было тихо. Только холодильник гудел в темноте кухни, да где-то за стеной слышалась музыка из соседней квартиры — старая мелодия, которую Ольга не могла узнать.

Она разделась, повесила пальто на вешалку и прошла в комнату. Включила настольную лампу, и её жёлтый свет разлился по столу, освещая книги, блокнот, чашку с остывшим чаем. Всё было на своих местах, как и должно быть.

Но внутри неё ничего не было на своих местах. Внутри неё был хаос.

Она села за стол и снова открыла блокнот. Перечитала записи, которые сделала утром. Сон, факты, совпадения. Всё сходилось. Всё было слишком точным, чтобы быть случайностью.

Она закрыла блокнот и посмотрела в окно. Город за окном был тёмным и безмолвным. Где-то там, в этом городе, был тот, кто убил женщину в коротком пальто. И она, Ольга, каким-то образом видела это.

«Кто ты?» — прошептала она в темноту.

Ответа не было. Только тишина, которая была громче любого крика.

Она легла в кровать, но не могла заснуть. Лежала в темноте, прислушиваясь к каждому звуку, к каждому шороху за окном. Сердце билось ровно, но внутри всё дрожало.

Она чувствовала, что скоро сон вернётся. Она не знала, когда и как, но она знала, что это произойдёт. И когда это случится, она будет готова.

Он пока не знал, что именно окажется следующим.

Однако майор сознательно не сообщал ей новых подробностей. Он хотел проверить, сможет ли она самостоятельно описать следующий эпизод, если такой произойдёт. Для него это было не вопросом веры в мистику, а попыткой отделить реальные сведения от информации, которую она могла получить косвенно.

После первого разговора Кольцов не забыл об Ольге. Он поднял материалы дела ещё раз и попросил следователя показать ему только те детали, которые не публиковались. Несколько пунктов совпали с её описанием настолько точно, что он перестал считать случившееся обычной случайностью.

Он сделал это не только из профессионального упрямства. За двадцать лет службы Кольцов привык доверять проверяемым деталям, но ещё сильнее он не любил ситуации, в которых человек мог оказаться беззащитным из-за того, что его словам никто не придавал значения. Он никому не говорил об этом вслух и сам считал такую мысль излишне личной. Поэтому к делу Ольги он возвращался снова и снова, даже когда формальных оснований для этого было немного.

Глава 3. Второе касание

Часть 1. Ожидание

Следующие два дня прошли в тусклом, тягучем ожидании. Ольга ходила на работу, перебирала письма, отвечала на вопросы Светы, которая то и дело косилась на неё с тревогой.

«Ты какая-то бледная, — заметила Света за обедом. Они сидели в небольшом кафе на первом этаже университетского корпуса, где пахло кофе и свежей выпечкой. Света жевала круассан, Ольга просто помешивала чай, не делая глотка. — Может, сходишь к врачу?»

«Всё в порядке, — ответила Ольга, стараясь улыбнуться. — Просто не выспалась».

«Опять кошмары?»

«Нет. Просто бессонница».

Света посмотрела на неё внимательнее, потом отодвинула пустую чашку. «Ладно, сегодня не буду устраивать допрос. Но давай договоримся: если станет совсем тяжело, не оставайся с этим одна. Можешь просто позвонить мне, даже если не захочешь ничего объяснять».

«Слушай, — сказала Света, откусывая ещё кусок круассана. — А давай сходим в кино в выходные? Что-нибудь лёгкое, комедию. Отвлечёшься немного».

Света уже достала телефон и начала искать сеансы. Она делала это с такой деловитостью, будто организация чужого вечера была официальной задачей. «И не спорь, — сказала она. — Я знаю, что ты скажешь, что у тебя дела. Поэтому я уже выбрала два варианта. В субботу ты свободна». Ольга рассмеялась. В этой настойчивости было что-то спасительное: Света не пыталась разгадать её тайну, а просто напоминала, что кроме неё самой и её страхов существует обычная жизнь.

«Может быть, — ответила Ольга, хотя знала, что не пойдёт. Она не могла никуда пойти, зная, что в любой момент сон может накрыть её снова.»

Она не врал, когда говорила, что не выспалась. Она действительно не спала — вернее, спала урывками, просыпаясь от каждого шороха, каждую секунду ожидая, что сон накроет её снова. Но ночи были пустыми. Тихими, тёмными, без единого образа. И это молчание пугало её больше, чем любой кошмар.

Она боялась, что сны ушли навсегда, и она никогда не узнает правду. Но она боялась и того, что они вернуться.

На третий день позвонил Кольцов. Голос в трубке был сухим, как всегда, но в нём слышалась усталая сосредоточенность.

«Ольга, я проверил вашу информацию. Несколько деталей действительно совпадают с теми, что не попали в прессу. Мы не разглашали способ нападения, но вы описали его достаточно точно. Это... странно».

«Вы мне верите?» — спросила она, затаив дыхание.

«Я верю в факты. А факты показывают, что вы знали то, чего не могли знать. Как — я не понимаю. Но я держу ваше дело открытым. Если что-то повторится — сразу звоните».

Она пообещала. И снова осталась одна со своим страхом и вопросами.

Она думала о том, что сказал Кольцов. «Вы знали то, чего не могли знать». Это означало, что её сны были реальными. Что она действительно видела убийство. Но как это возможно? Как её сознание могло оказаться там, в том проезде, в тот момент?

«Что со мной происходит?» — спрашивала она себя.

Ответа не было. Только тишина и ожидание.

Часть 2. Сон без предупреждения

Он пришёл на четвёртую ночь. Не как падение, а как резкий поворот головы — мгновенный, без плавного перехода.

Ольга стояла на мосту. Нет, не стояла — она шла. Но её тело двигалось медленно, почти невесомо, как будто она плыла над камнями. Вокруг было холодно, ветер с реки трепал волосы, и пахло гарью — далёкой, почти неуловимой, но отчётливой.

Мост был чугунным, с ажурными перилами, которые она могла бы описать до мельчайших деталей, если бы проснулась. Фонари горели тусклым жёлтым светом, отражаясь в тёмной воде внизу. Берега были разными: один низкий, с деревьями, другой высокий, с домами, у которых были высокие крыши.

Она смотрела на свои руки. Они были в тёмных перчатках. Чужих перчатках. И в них был зажат какой-то предмет — металлический, холодный, тяжёлый. Она не могла разглядеть его форму, но чувствовала его вес и холод, пробирающийся сквозь кожу.

Впереди, метрах в двадцати, шла женщина. Высокая, в длинном пальто, с сумкой чер

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.